

Случалось ли вам держать в руках книгу, по прочтении которой возникает непреодолимое желание возвращаться к ней снова и снова, перечитывая ее и по частям, и всю, целиком? Конечно, особый интерес автора этой рецензии к сборнику "П. А. Флоренский и культура его времени", вышедший в Марбурге в 1995 г. в издательстве Blaue Horner Verlag можно объяснить его личными научными пристрастиями, которые дают автору моральное право выразить свое уважение к труду, проделанному издателями и авторами этой книги. Читателю преподнесен интеллектуальный портрет необычайно тонкого и разностороннего мыслителя XX века П. А. Флоренского, написанный в разнообразных контекстах русской и мировой культуры.

К сожалению, приходится отметить три даты, имеющие самое непосредственное отношение к материалам этой книги: январь 1988 г. — время проведения первого международного симпозиума в Бергамо, на севере Италии. Собственно весь сборник представляет собой подборку статей и докладов, прочитанных на этом симпозиуме. Дата вторая — 1995 — год опубликования этой книги. И наконец 1999 год — когда мы получили возможность ознакомиться с этим изданием. В общем-то, одиннадцать — двенадцать лет — срок не слишком большой, однако своевременное знакомство с материалами этой книги в нашей стране было бы безусловно полезным не только для специалистов, но позволило бы привлечь внимание и более широкой читательской аудитории к такой нетривиальной и яркой фигуре, как П. А. Флоренский.

Обратимся к тому, что представляет собой это издание. В статье Нины Каухчишвили "П. А. Флоренский: от древности к стилю модерн", опубликованной в сборнике, цитируется письмо П. А. Флоренского к семье: "Что я делал всю жизнь? — Рассматривал мир как целое, как единую картину и реальность, но в каждый момент, на каждом этапе ... под определенным углом зрения" (с. 40). Стремление к целостности и универсализму, свойственное философским, богословским и естественнонаучным изысканиям Флоренского, авторы сборника пытаются рассматривать в самых разнообразных ракурсах.

В структуре книги выделяется несколько смысловых блоков, которые позволяют составить достаточно полное представление о жизни Павла Александровича, его научных интересах и результатах его исследований. Книга начинается с биографического очерка, написанного одним из известнейших исследователей русской религиозной философии игуменом Андроником (А. С. Трубачевым). За ним следует ряд ра-

бот, направленность которых можно определить как обращение к личности Флоренского и к особой духовной атмосфере, которую создавал вокруг себя философ, привлекая светом души талантливейших людей своего времени. Такой принцип организации текста имеет определенный смысл. Известно, как бережно и трепетно сам Флоренский относился к воспоминаниям детства, пристально вглядываясь в них и пытаясь распознать себя будущего. Отношения Флоренского с выдающимися представителями русской культуры, отличавшиеся особой глубиной, поиском и нахождением душевных и интеллектуальных созвучий — особая тема для обсуждения. Она не может быть редуцирована только к философскому анализу; она предполагает и поиск интуиций, обеспечивающих единство и целостность культурного сообщества и в полной мере отраженных в тех особых интонациях, которые сопровождали общение Флоренского с духовно близкими людьми. Этим проблемам посвящены статьи: "Флоренский и Хомяков" Никиты Струве, "Павел Флоренский и Андрей Белый" Владимира М. Пискунова, "С. Н. Булгаков и П. А. Флоренский: К философии дружбы" Ирины Б. Роднянской и "Реализм Вячеслава Иванова и о Павла Флоренского" Андрея Б. Шишкина. Представление о естественнонаучных интересах П. А. Флоренского и о его влиянии на становление современных подходов к изучению природы — концепцию биосферы В. И. Вернадского дает статья П. В. Флоренского "Природа преобразуемая, осмысливаемая или одухотворяемая?". Безусловно, интересен и образ Флоренского-математика (статья Сергея Демидова "О математике в творчестве П. А. Флоренского").

Особое внимание в книге уделяется роли и значению работ П. А. Флоренского в изучении проблем языка. Действительно, Флоренский исследовал те аспекты функционирования культуры, которые в современной философской литературе обозначены как семиотические подходы к изучению языков культуры. Так, например Steven Cassedy в своей статье "Florenskij and Philosophy of Language in the Twentieth Century" сопоставляет анализ языка и мифа у А. Ф. Потебни, исследование языка у Флоренского и идеи укорененности языка в историческом контексте у Бахтина и склонен видеть в этой преемственности проявление "интеллектуального, культурного и даже религиозного наследия, что делает различие между ними гораздо менее значительным, чем факт их сходства" (с. 293). Борис Успенский в статье "Семиотика истории" говорит об особой роли П. А. Флоренского в становлении современной семиотики, причем речь идет о возможности экстраполяции методов, которые Флоренский применял для уяснения семиотической сущности иконы, на раскрытие семиотической сущности истории (в обоих случаях мы имеем дело со знаками иной реальности). В сборнике представлен ряд серьезных аналитических статей, посвященных различным аспектам философии языка и теории символа у Флоренского. Протоирей Василий Строганов репрезентирует традицию исследования языка и символа в русской религиозной традиции, акцентируя внимание на фигурах С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского и А. Ф. Лосева. Основные понятия, к которым обращаются философы, — это имя (и концепция имеславия) и проблема онтологизации имени, строение слова (фонема, морфема, семема) и сущность-энергия. На наш взгляд, необычайно интересна статья Jerzy Jagupо "Антиномия языка" Флоренского и поэтическая парадигма "сим-

волизм / авангард". Автор обращается к известным сегодняшнему читателю исследованиям Флоренского особого синтаксиса и семантики языка авангардной поэзии и сопоставляет его с традициями символизма в литературе, причем выстраивается очень убедительный ряд литературоведческих и философских исследований, результатом которых является идея, что "...мифопоэтическая процедура Флоренского имеет свое соответствие в поэтической, а точнее — в *архипоэтической*", дешифрующей культуру и двигающейся вспять к истокам культуры и языка — практике авангарда" (С. 313). На исследование антиномичности языка и присутствие в нем тавтологий с их особой семантической и фонетической нагруженностью, проведенное П. А. Флоренским, обращает внимание и автор статьи "Теория символа П. А. Флоренского в свете лингвистических исследований литературного дискурса" (на французском языке) Thomas Lahusen. В издании представлен ряд работ, в которых анализируются результаты исследовательской деятельности П. А. Флоренского в сфере философии языка и теории символа. Это статья Вячеслава Иванова "П. А. Флоренский и проблемы языка", в которой представлена эволюция интересов Флоренского в этой сфере. Наталья Боненцкая в работе "Об одном скачке в русском философском языкознании" обращает внимание читателя на оригинальное видение роли имени в художественном образе, которое является продолжением его концепции имеславия. Исследовательская направленность этих концепций — интуитивный поиск тайны связи предмета и имени, находящий свое продолжение в религиозной этике Флоренского и его концепции общения.

Безусловно, разговор о философском наследии Флоренского немалым без обращения к его эстетике, в которую Леонид Геллер (статья "К дискуссии о синтезе в искусстве. Эстетические изыскания о П. Флоренского и их место в культурном контексте эпохи") включает "специальную" теорию искусства, типологию искусства, теорию художественного видения, аксиологию, метафизику творческого акта, хотя, как отмечает автор, "концепция не сформулирована в систематическом виде, но ее цельность очевидна, как и ее родство с философскими построениями и математическими розысками Флоренского" (С. 353). Стремление Флоренского к целостности и универсализму проявляется и в сфере эстетического — в понятии синтеза, который, по мнению автора статьи, является важнейшим аспектом и методологическим основанием, обеспечивающим цельность концепции Флоренского и выполняющим эстетическую, культурорганизирующую, эпистемологическую и мистикоонтологическую функции. Продолжая разговор об эстетических воззрениях Флоренского, Виктор Бычков в статье "Умозрения Павла Флоренского — венец православной эстетики" рассматривает исследования Флоренского в ряду "духовных творцов православной эстетики", отмечая созвучие его идей с идеями неоплатонизма и эстетикой аскетизма. Заслуга Флоренского, по мнению автора, состоит в том, что он предложил особый ракурс осмысления художественно-эстетической стороны церковного искусства как "эффективного средства возведения участников богослужения от мира дольного к горнему" (С. 390). Отдельно В. Бычков анализирует философию культа П. А. Флоренского и харизматическую функцию иконы, которую усматривали в ней со времен патристики. Тему иконописи и ее особой роли в русской православной и

светской культуре продолжает Илона Киш в статье "Видна ли неверующему Троица Рублева? К вопросу о понятии иконного знака в *Иконостазе* П. А. Флоренского". Автор обсуждает проблему онтологичности иконного знака, постановка которой восходит к традиционному церковно-платоновскому пониманию образа и знака, а в теории Флоренского она соединяется с современным пониманием времени и пространства и находит свое выражение в терминах обратного времени и мнимого пространства.

Ряд статей посвящен анализу философии П. А. Флоренского в контексте русской культуры конца XIX — начала XX века: John Lindsay Opie в "*Ikonoostas*" and its Context и Robert Slesinski в *The Metaphysics of Pan-Unity in Pavel A. Florenskij: A World View* обращают внимание прежде всего на включенность философских, богословских и эстетических исканий П. А. Флоренского в концепцию всеединства Владимира Соловьева, русскую софиологию и интеллектуальную традицию русской религиозной философии в целом. Особый интерес, на наш взгляд, представляет статья Миливое Йовановича "*Столы и утверждение истины* П. Флоренского: сюжет, жанр, истоки", в которой автор анализирует важнейшую работу Флоренского с позиций литературоведческого анализа, рассматривая как очевидное достоинство текста то, за что Флоренский неоднократно подвергался критике — литературно-художественную и даже романтическую окрашенность произведения. Автор полагает, что понятия сюжета (загадочность сюжетной структуры), образа, адресата и адресанта, лингво-этимологические отступления Флоренского, диалогическая структура *Столы* позволяют репрезентировать этот текст как произведение синтетического жанра и новаторской ориентации.

В сборнике представлены и статьи, в которых освещается роль П. А. Флоренского в развитии богословской мысли и значение его работ для современной светской и христианской культуры (статьи Епископа Анатолия (Кузнецова) "Миросозерцание священника Павла Флоренского и наша современность", иеромонаха Иннокентия (Павлова) "Священник Павел Флоренский и его вклад в развитие богословской мысли православной церкви", архимандрита Иннокентия (Просвирнина) "Изучение Флоренского в Московских Духовных школах").

Таким образом, понятия синтеза, целостности и единства, которые многие исследователи рассматривают в качестве методологического основания философии П. А. Флоренского, в равной степени могут быть экстраполированы на содержание этого необычайно интересного издания. Авторам этого сборника присуще качество, о котором писал сам П. А. Флоренский — гетерофония, "полная свобода всех голосов, "сочинение" их друг с другом, в противоположность подчинению". Книга дает нам возможность не только вслушаться, но и всмотреться в образ философа, поскольку в конце ее опубликованы фотографии, которые не просто предлагают визуальный ряд, представляющий нам облик П. А. Флоренского и духовно близких ему людей, но и привносит дополнительный смысл в разговор о нем. Замыкая книгу, они не дают ответа на вопросы, а снова и снова ставят их перед внимательным читателем, возвращая нас к тем проблемам, которые сформулировал в своих работах русский философ.

И. Клецкова